

Подлинная история
человека, который прошел путь
от трагических воспоминаний
до несказанной благодати

НЕПОКОЛЕБИМЫЙ

Джон Макдауэлл

в соавторстве с **Кристинбалем Крузенем**

2-е издание, исправленное

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2015

От автора

Мне приходилось уже много раз делиться воспоминаниями о своем детстве и юности. Я говорил об этом, обращаясь ко многим людям, главным образом в своих выступлениях. Но только теперь появилась возможность поднять занавес и открыть для всеобщего обозрения всю картину.

Уже не один год ко мне обращаются с предложениями как авторы, так и кинокомпания, снять фильм о моих ранних годах и моем свидетельстве. Но я никак не мог решиться на это, пока пять лет назад не познакомился с Кристобалем Крузеном, известным режиссером, фильмы которого были удостоены многих наград. Именно ему я вверил эту непростую задачу — воплотить в жизнь мой рассказ.

Да, именно такова по сути своей эта книга — это мой рассказ, моя история, написанная широкими мазками, чтобы как можно полнее показать те подъемы и падения, которыми отмечено было начало моего пути. Она повествует о подлинных событиях, хотя отдельные персонажи, с которыми вы встретитесь на ее страницах, представляют собой, скорее всего, собирательный образ, составленный из воспоминаний о разных реальных людях, с которыми мне доводилось встречаться. Диалоги я постарался восстановить настолько точно, насколько мне позволила память. Что же касается самого названия — «Непоколебимый», — я выбрал его, чтобы подытожить одним словом, каким я был, возможно, даже сам того не понимая. В детстве на мою долю не раз выпадали непростые испытания, и моей инстинктивной реакцией было стремление выжить любой ценой, ни перед чем не останавливаясь. Мне казалось, что слова Ницше «что не убивает меня, делает меня сильнее», в точности относятся ко мне (кстати, я понятия не имел тогда, кем был этот человек). Трудности действительно сделали меня сильным и решительным. Но это была сила поверхностная — защитный механизм,

показная маска, скрывавшая темные глубины. В действительности же я стремился (да и все мы к этому стремимся) к любви и искренней неподдельной близости с человеком, который принял бы меня таким, как я есть, несмотря ни на что.

К тому времени, когда мне исполнилось одиннадцать, я привычно считал себя самым одиноким человеком на планете, забытым Богом и людьми. Причины, о которых вы узнаете из этой книги, заставили меня отвергнуть саму мысль, что семья означает стабильность, отец — защиту, что людям можно и нужно доверять. К Богу я тоже повернулся спиной — для Него у меня нашлись разве что ругательства, вырывававшиеся в порыве гнева. Своих ошибок или слабостей я и подавно не собирался признавать. К несчастью, мне и невдомек было, насколько губительным для души может оказаться подобное отвержение истины.

Я прикладывал все силы, чтобы мои глубочайшие страхи, неуверенность в себе, порожденные событиями моей жизни, и дальше оставались тайной для всех. Я был словно тот неграмотный хитрец, который своим при творством сумел убедить всех вокруг, что прекрасно умеет читать и писать.

Возможно, какие-то детали или нюансы моей истории заставят вас вспомнить свою собственную историю, в то время как другие (к счастью) останутся только частью моей исповеди. И все же, несмотря на всю ту боль, через которую мне довелось пройти, я отдаю себе отчет, что миллионам людей выпали куда более суровые и трудные детские годы, чем те, что были у меня.

В Библии, в Книге Иова, говорится, что «человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх» (5:7). В моей жизни было немало искр, в том числе и та, что полностью переменяла мою жизнь и принесла с собой надежду. Приглашая вас к чтению, я предлагаю вам задуматься над тем, что и вы тоже — с помощью Живого, Сильнейшего — сможете уверенно шагать по жизни.

*Джош Макдауэлл
апрель 2012*

Все прекрасно на земле

День этот выдался необычайно жарким, да еще для такой ранней весны. Окна моего автомобиля были полностью опущены, чтобы впустить внутрь хоть какой-то ветерок, который мог повеять в городке Уитон, штат Иллинойс, что в пятидесяти километрах западнее Чикаго.

Я был первокурсником уитонского колледжа, а во второй половине дня подрабатывал, развозя служебные бумаги по местным средним школам. Впрочем, для меня это была не просто подработка, а еще и небольшая передышка от постоянного напряжения, вызванного насыщенной учебной программой в колледже.

Я надеялся, что успею проскочить железнодорожный переезд на Чейз-стрит раньше, чем появится пригородная электричка из Чикаго, но лишь только я приблизился к переезду, как тут же опустился шлагбаум, словно по воле невидимого режиссера, и зазвучал предупреждающий сигнал. Я потянул рычаг ручного тормоза и откинулся на спинку сиденья, чтобы чуть перевести дыхание. Металлический лязг сигнала заглушил песню, которая в этот момент лилась из

радиоприемника в моей машине: это был хит номер один «Будешь ли ты любить меня завтра?»

Я глянул в зеркало заднего вида: студенческий городок Уитонского колледжа, раскинувшийся на холме позади меня, был виден как на ладони, а на самой вершине холма красовался почтенный Бланшар-Холл. Величественное здание напомнило о словах Иисуса из Евангелия от Матфея: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (5:14).

Репутация и авторитет Уитона в академическом мире давно уже стали непререкаемыми, учитывая масштаб личностей его выпускников: Билли Грэм и Рут Бэлл Грэм, писатели Маргарет Лэндон и Элизабет Эллиот, астроном Гарольд Олден, а также миссионеры-мученики, чего стоят одни только имена Джима Эллиота, Нейта Сена и Эла Маккалли. Удастся ли мне, будущему выпускнику Уитона, оставить заметный след в этом мире? И если да, то что это будет за след?

К вере я пришел сравнительно недавно, и моя духовная жизнь была еще, что называется, «в стадии формирования». Подрастая в неблагополучной семье, с самого своего детства, которое прошло в Юнион-сити, штат Мичиган, я отрицал существование Бога, стараясь убедить себя в том, что я сам — хозяин своей судьбы. Затем, уже девятнадцатилетним, я принял вызов, взявшись за решение задачи, ответ на которую, как мне тогда казалось, раз и навсегда избавил бы меня от всякой мысли о Боге. И тут-то случилось самое удивительное. Пока я собирал доказательства, опровергающих существование Бога, Он Сам явил Себя в моей жизни, став ее неотъемлемой частью. Понадобилось каких-то несколько месяцев, чтобы все течение моей жизни круто изменилось. Вот тогда-то, окончив второй курс в муниципальном колледже Келлога в своем городке Бэтл-Крик, я перевелся в Уитон.

Мой взгляд снова вернулся к электричке, которая как раз мчалась по рельсам прямо передо мной. Какое утешение, однако, можно найти в звуке проходящего поезда! Мне вспомнились детские годы,

когда по ночам, лежа в своей постели, я прислушивался к отдаленному гулу грузовых поездов, проносившихся примерно в миле-двух от нашей фермы. Перестук их колес свободно катился над возделанными полями Мичигана. Стремительные локомотивы бесстрашно разрывали тишину ночи своими гудками, а за ними ритмично постукивали вагоны, убаюкивая меня лучше всякой колыбельной.

Я даже вздохнул невольно от нахлынувших воспоминаний. Сам не знаю почему, но в памяти у меня всплыла известная строка из поэмы Роберта Браунинга: «Бог на небе, все прекрасно на земле».

Отдавшись воспоминаниям, я лишь тихо подпевал песне, звучащей из радиоприемника.

Неожиданно в зеркале заднего обзора я заметил грузовик, который несся прямо на меня. Вихляя из стороны в сторону, он явно набирал скорость, вместо того чтобы тормозить. Я даже моргнул изо всех сил — не почудилось ли это мне? Но нет, грузовик явно не собирался останавливаться, — да уже и некогда было тормозить. Электричка все еще проходила передо мной, и я было рванул рычаг скоростей, чтобы дать задний ход. Но пытаться увернуться было уже поздно. Грузовик почти налетел на меня, когда я зафиксировал рычаг передач, что было сил придавил педаль тормоза и весь сжался, чтобы принять удар.

Огненной вспышкой за какую-то долю секунды передо мной пролетела вся моя жизнь — та жизнь, которую мне, по большому счету, всегда хотелось забыть.

В начале

Говорят, что детские годы — самая чудесная пора жизни. Наверное, так и должно быть. Но в моем случае эти слова далеки от истины. Как ни больно об этом говорить, но мне все-таки кажется, что отец ждал моего появления на свет именно по той причине, чтобы на ферме появилась еще пара рабочих рук. Впрочем, мне в детские годы не раз доводилось слышать, как он сам об этом говорил. Так и вышло — мое детство (нередко босоное) прошло в трудах на нашей ферме в городке Юнион-сити в Мичигане, а какую-то опору и стабильность в этой жизни я находил у своей матери, в домашней работе и в школе (именно в таком порядке). Но мои отношения с отцом всегда оставались сложными. Да и как заслужить любовь и уважение человека, который относится к тебе скорее как к батраку, чем как к родному сыну?

Уилмот Макдауэлл родился в Индиане в 1898 году и был одним из десяти детей в семье. В какой-то момент своей жизни он перебрался в округ Фримонт в Айдахо, где в 1919 году встретил мою будущую мать, Эдит Джослин, и они поженились. Их первый ребенок, Уилмот-младший появился на свет два года спустя.

Отец мой не отличался особенной физической силой, но чего у него было не отнять, так это упрямого бойцовского духа, доставшегося ему еще со времен первопроходцев. Эта черта характера сослужила ему хорошую службу, когда он работал водителем грузовика, доставлявшего продукты и лесоматериалы на медные и серебряные рудники через трудный перевал в горах Монтаны. Всякое могло случиться на этих отдаленных и безлюдных дорогах, и всякое случалось. Поэтому еще в молодости отец научился выпутываться из разных непростых ситуаций любыми возможными способами.

Мама же, напротив, была личностью более утонченной. Она родилась и выросла в Нью-Джерси, и в семье ее главным образом были потомки выходцев из Англии. Она немало этим гордилась, считая себя культурной и образованной леди, и старалась, как могла, поддерживать соответствующие порядки в нашем доме. И что она такого нашла в моем отце? Могу предположить, что они полюбили друг друга и поженились до того, как он стал алкоголиком.

На протяжении 1920-х найти работу в Айдахо становилось все сложнее, и после рождения моей сестры Шерли семья двинулась на восток и обосновалась в Детройте. Но не понадобилось много времени, чтобы проблемы с алкоголем снова дали о себе знать. Постоянные запои стоили моему отцу должности приказчика в большом магазине розничной торговли «Атлантик и Пасифик», и семье снова пришлось сниматься с места — теперь уже в городок Бэттл-Крик, в сотне с лишним миль западнее. И тут разразилась Великая депрессия*. В этот трудный для всех американцев период одна

---

* Великая депрессия (*англ.* Great Depression) — мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 году и продолжавшийся до 1939 года. Великая депрессия наиболее сильно затронула США, Канаду, Великобританию, Германию и Францию, но ощущалась и в других государствах. В наибольшей степени пострадали промышленные города, в ряде стран практически прекратилось строительство. Из-за сокращения платежеспособного спроса цены на сельскохозяйственную продукцию упали на 40–60%. В русском языке термин «Великая депрессия» часто употребляется лишь в отношении экономического кризиса в США. — *Примеч. ред.*

состоятельная знакомая родителей, некая тетушка Лиз, как мне потом сказали, подарила отцу и матери участок сельхозугодий в окрестностях Юнион-сити. Сделала она это с той целью, чтобы дать родителям возможность начать все заново в своей жизни. Но ничего нового у них не получилось, если не считать рождения моей второй сестры Джун в 1930 году.

Отец какое-то время работал управляющим в местном магазине, пока из-за своего беспробудного пьянства не потерял и эту работу. Ему ничего не оставалось, как отдать все свои силы молочной ферме. Особыми успехами, правда, и тут тоже нельзя было похвастаться. Но, к счастью для всей нашей семьи, в Уилмоте-младшем (или Меньшом, как мы его звали между собой) с самого раннего возраста проявились наклонности к фермерскому делу, и к тому времени как отец стал безработным, он уже успел показать себя умелым хозяином. Меньшой стал членом БФА («Будущие фермеры Америки») и еще в подростковом возрасте стал вводить на ферме то, что он называл «научный подход». Несмотря на врожденные проблемы с сердцем, он был настоящим тружеником. Меньшой вообще был очень способным, и в школе тоже был не последним учеником. К тому же мама взялась вести бухгалтерию, так что ферма на какое-то время стала вполне прибыльным предприятием.

Впрочем, отцу и тут не понадобилось много времени, чтобы загубить все дело, и все из-за своей привычке выпивать по три бутылки вина в день и придерживаться позиции «не учи ученого». Яростные стычки между Меньшим и отцом стали обычным явлением. Меньшому действовало на нервы то, что отец постоянно вмешивается в управление фермой. И все же, несмотря на перебранки, отец явно отдавал предпочтение Меньшому перед остальными детьми. И, можете себе представить, каково жилось нам, всем остальным, с таким отцом, если даже с Меньшим ему не удавалось найти общий язык.

Меньшому уже исполнилось восемнадцать, когда родился я, Шерли была на год моложе Меньшого. Моей сестре Джун было де-

сять. Так что разница в возрасте между нами порой заставляла меня задумываться, зачем я вообще появился на свет.

Рассказывают, что в один погожий денек августа 1939 года пастор местной церкви нанес нам визит. Семейство наше было не из тех, кто регулярно посещает церковь, но проповедник был молод и полон энтузиазма, да к тому же только недавно приступил к своим обязанностям. Наверное, от горожан до него уже дошли нелестные отзывы о нашей семье, и он явно воспринимал нас как заблудших овечек, которым никак не обойтись без своего пастыря.

Словом, мама усадила его в гостиной, угостила чаем, при этом он понятия не имел, что она на девятом месяце беременности. Что неудивительно: ведь при росте всего метр шестьдесят она весила почти сто пятьдесят килограммов (из-за проблем с щитовидкой). Не подумайте, что я шучу, это правда: в дверь она не проходила, а протискивалась, причем сначала одним боком, потом другим. Можно представить, как надежно я был скрыт от посторонних глаз при такой вот просторной талии.

Ну, а когда через неделю-другую я появился на свет, пастор был просто поражен, узнав, что семейство Макдауэлл пополнилось еще одним мальчишкой! Полагаю, он растерялся еще больше, когда мама принесла меня в церковь крестить. Мамина девичья фамилия — Джослин — и стала моим первым именем, хотя с самого раннего возраста меня звали не иначе, как Джош. Правда, если я умудрялся всерьез чем-то расстроить маму, мне приходилось слышать: «Подите-ка сюда, Джослин Дэвид Макдауэлл!» Спустя две недели после моего рождения нацистская Германия вторглась в Польшу, а Франция с Англией объявили войну Гитлеру. Два с небольшим года спустя была бомбардировка Пёрл-Харбора, и моя сестра Шерли добровольно пошла в армию, медсестрой. Она оказалась первой из моих братьев и сестер, кто вырвался из нашего несчастливого дома.

Пожалуй, с Шерли связаны самые ранние мои детские воспоминания. Приезжая домой в отпуск, она всегда привозила мне разные

подарки: то оловянных солдатиков, то целую армию маленьких игрушечных танков. На мой взгляд, она выглядела такой стройной и изящной в этой своей военной форме — просто красавица!

Когда мне было четыре или пять лет, Шерли приехала вместе с высоким десантником по имени Стэн. Как-то она отвела меня в сторонку и заговорщицки прошептала: «Я собираюсь замуж за Стэна и помогу тебе смыться отсюда, Джош! А там — кто знает? Может, однажды ты сможешь перебраться к нам, и мы будем жить все вместе».

Наконец настал и день расставания. Рыдая, я вцепился в Шерли и никак не хотел ее отпускать. Мне уже доводилось видеть кинохронику, которую в нашем местном кинотеатре показывали перед началом фильма, так что я уже знал, что она отправляется туда, где была война... где могли даже убить. Но, глядя на то, как Шерли удаляется под ручку со Стэном, можно было подумать, что им предстоит беззаботный отпуск где-нибудь во Флориде или в Калифорнии.

Даже тогда, когда у нее закончился срок службы по контракту и появилась возможность уволиться со службы и вернуться домой, она предпочла остаться в Европе, на самой передовой. Помню, однажды я застал маму в своей спальне плачущей, и спросил, что стряслось. Мне показалось, что отец снова что-то натворил. Но отец тут был ни при чем. Она как раз получила письмо от Шерли: та писала, что остается в Европе, пока не кончится война.

К счастью, Шерли благополучно вернулась с войны. Но в этот раз она уже к нам больше не приехала. Они со Стэном поженились и поселились в Чикаго. Вот только у меня не получилось перебраться к ним, теперь даже и не вспомню, по каким причинам. Впрочем, я не раз бывал у них в гостях.

Но самое раннее из всех моих воспоминаний связано с другой сестрой, Джун. Я вспоминаю, как она купает меня в большом бетонном чане для стирки, рядом с нашим домом. Маме из-за ее комплекции не так просто было возиться со мной, поэтому Джун нередко бралась меня нянчить. Помню, как мы вместе выбирались в

город, когда мне было года четыре-пять. Джун выглядела взрослей своего возраста, и люди нередко принимали меня за ее сына.

«Какой у вас малыш, просто загляденье!» — помнится, с такими словами в одну из прогулок обратилась к Джун какая-то пожилая женщина. Остановив нас на тротуаре в Бэттл-Крик, она слегка потрепала меня по щечке. «Вы только посмотрите на эти озорные синие глазки! — причмокнув, добавила она. — Наверное, проказник, каких мало, да?»

Джун улыбнулась в ответ, решив подыграть незнакомке: «Нет, он совсем не шалун. Что ни скажу, он всегда слушается. Ты же послушный мальчик, правда, Джош?» Я что было сил закивал: «Когда я слушаюсь мамочку, она всегда покупает мне мороженое!»

Незнакомка еще сильнее зацокала языком и вытянула монетку из кошелька. «А вот и я тоже угощу тебя мороженым, молодой человек! — воскликнула она. И, удаляясь, громко добавила, уже сама себе: — Надо же, какая умничка!» Нам же с сестрой оставалось только перейти через улицу, где в кафе-мороженом Салливана она заказала мне двойную порцию ванильного.

Я был без ума от Джун. Она была чуткая, даже артистическая натура, прекрасно играла на пианино. Можно сказать, что Джун была душой нашей семьи. Поговорка «в наше время таких больше нет» — это как раз про Джун. Я не раз задумывался о том, что бы могло получиться из нее, если бы ее мужем не стал Мерл Лоури — два сапога пара с нашим отцом.

Правда, в семейной жизни Мерл обходился без рукоприкладства (во всяком случае, без особого), но все равно, такой же никчемный пьянчужка. Он был неплохим мастером по ремонту холодильников, да и вообще мог починить что угодно, но постоянные запои не давали ему возможности прочно стать на ноги. Впечатление было такое, что он просто неспособен был взять себя в руки. По моему мнению, Джун решила последовать примеру Шерли и вышла за Мерла, чтобы поскорей убраться с фермы. Сказано — сделано, и вскоре ей самой уже нужно было нянчить пятерых. Даже шестерых, включая Мерла.

Вспоминаю, как однажды на Рождество мы устроились вокруг елки, предвкушая момент, когда можно будет развернуть подарки, и тут в комнату ввалился пьяный отец. Рухнув в свое кресло, он захрапел, а нам оставалось только ждать, когда же вслед за ним появится Мерл. Но мы его так и не дождались. Как потом оказалось, он не устоял на ногах на скользкой дороге и повалился прямо в сугроб, да так в нем и застрял, поскольку был пьян настолько, что не смог выбраться без посторонней помощи. Мерл появился лишь под вечер, да и то лишь для того, чтобы снова напиться, теперь уже с отцом на пару.

Вскоре после того как окончилась война, Меньшой втюрился в местную девчонку по имени Карла, которая в то время была почти что подростком. Никто в нашей семье не принимал ее всерьез — в том числе и я. Мама постоянно жаловалась на Карлу.

Карла и Меньшой поселились во флигеле на нашей усадьбе. Мне нередко доводилось слышать, как Карла пилит моего братца то за одно, то за другое — ее пронзительный голос слышен было издали. Однажды Меньшой косил траву и случайно прошелся косою по клумбе, которую Карла разбила перед их домом. Налетев на него с кулаками, она обрушила на него такой поток брани, что можно было подумать, будто началась третья мировая война.

Когда же Карла и Меньшой появлялись в большом доме, она пыталась и меня заставить ходить по струнке. Помню, мы с ней чуть не подрались, выясняя, что слушать по радио: мне хотелось «Зеленого шершня», а она требовала «Шоу Бернса и Аллена». Она переключила станцию раз, потом другой, и рявкнула на меня, чтоб я сидел на месте и пикнуть не смел. В ответ я обозвал ее одним из тех словечек, которые не раз слышал от отца в адрес матери, — а потом едва ноги унес от Карлы, пообещавшей с меня «семь шкур спустить». Ничего больше не оставалось, как влезть на высокую иву, которая росла неподалеку от нашего дома — мое надежное убежище в подобных ситуациях. Заняв эту командную высоту, я мог достойно встретить Карлу выстрелом из рогатки, если б она и впрямь решила взяться за меня.

Случалось и так, что я слезал с этой ивы уже затемно, когда давно следовало находиться в кровати, и пробирался в дом через окно спальни. Не без основания полагаю, что завтрашний день все равно принесет с собой новый повод для порки, я предпочитал не нарываться на нее уже сегодня. Что ж, обычно так оно и было.

И, в довершение семейной картины — два больших колеса: мать и отец. Самое раннее мое воспоминание о них — два вечно бранящихся человека, которые живут под одной крышей. Мне ни разу не доводилось видеть, чтобы они проявляли теплые чувства друг к другу. Не помню, чтобы они обменивались улыбками, обнимались, брали один другого под руку, и уж точно не целовались. Отец только и знал, что пить, а мама — пилить за его наплевательское отношение к семье и хозяйству. А уж она-то, если хотела, за словом в карман не лезла. И, даже если предположить, что ко времени их знакомства отец не заглядывал так часто в бутылку, она своими властными замахами сделала из него конченого алкоголика. Порой, когда отец бывал настолько пьян, что не мог держаться на ногах, я видел, как она вымещала на нем все отчаяние своей неудавшейся жизни. Нет, мама не била его (кулаками, или вроде того) — просто пихала двумя руками сзади в спину, или же с силой толкала в кресло.

Само собой, это ни в какое сравнение не шло с тем, как он обходился с ней. В своем пьянстве он порой становился буйным, причем опасней всего — в той промежуточной стадии, когда еще сохранялись проблески сознания и остаток координации, чтобы натворить бед. И, когда хмель застилал ему глаза, мать становилась его обычной мишенью. Порой я даже думал, что он ее вот-вот забьет до смерти.

Что ни говори, но мама, уж какими ни были ее несовершенства, подлинные или мнимые, всегда оставалась единственной надежной опорой в моем детстве. Говоря по-простому, я знал, что она меня любит. И я любил ее. Много чего случалось между нами, и любовь эта не раз подвергалась всяким испытаниям, но в итоге мы только крепче привязывались друг к другу.

Никогда не забуду тот погожий осенний день, когда я забрался к ней на колени и стал рассматривать вместе с ней картинки в каталоге, который она как раз перелистывала. Мне тогда было пять или шесть лет. Она предложила мне выбрать самому, что бы мне хотелось получить в подарок к Рождеству, и я ткнул пальцем в игрушечную железную дорогу. Каким же было мое удивление, когда рождественским утром я обнаружил под елкой свою железную дорогу, причем в полном комплекте. Вот это было Рождество! Никогда его не забуду.

Мама также была и дисциплинирующим началом в нашей семье. Когда, случалось, мои шалости переходили меру, она посылала меня к иве, чтобы я сам отломал лозину и возвращался скорей обратно к ней. Далее от меня требовалось спустить штаны и перегнуться через стул, чтобы она могла отвесить мне розгой по заднице парочку горячих. Обычно я не оспаривал материнское право на «карающую длань» (в нашем случае, на лозину), но, в свою очередь, это не мешало и мне вырабатывать стратегические контрмеры.

Помнится, как-то одним воскресным днем она накрывала на стол в ожидании гостей, которых ждали к обеду. Я же решил «заморить червячка» — стащу кусочек то с одного блюда, то с другого. Она предупредила меня, чтоб я перестал, но я продолжал. Наконец ее терпение лопнуло. Она выставила меня за дверь, приказав отправляться к иве за лозиной. Я вернулся с самым тонким прутиком из всех, каких только смог найти.

Когда я зашел в дом, она заставила меня снять рубаху и ходить вокруг стола, сама же встала в углу, держа лозину наготове, чтобы стегать меня всякий раз, когда я буду проходить мимо. Поначалу я ходил медленно, но после нескольких кругов стал брать разгон, когда она замахивалась, чтобы шлепнуть меня. В итоге, мама всякий раз или промахивалась, или едва-едва задевала меня. Но даже если она и разгадала мою уловку, то не подала виду. После того как я сделал шесть или семь кругов вокруг стола и получил два-три раза лозиной, она отпустила меня, похоже, довольная своей воспитательной работой.

— Это послужит тебе уроком, — сказала она умиротворенным тоном и, привычно переваливаясь из стороны в сторону, направилась в кухню.

Само собой, об отцовском воспитании и говорить не приходится. Не хочу, чтобы мои слова прозвучали неоправданно резко, но он, что называется, просто не просыхал. Те редкие случаи, когда я видел его трезвым, были вызваны скорей всего тяжелым похмельем, потому что он вел себя очень тихо и не проявлял желаний заводить разговоры. В остальные же дни, когда у него начинался глубокий запой, мы все старались не попадаться ему на глаза.

Впрочем, до тех пор, пока он не набрасывался на мать. Я начал заступаться за нее едва ли не с шести или семи лет, хотя — что я мог сделать? Разве что на какой-то миг отвлечь внимание на себя. Но с годами я все чаще становился между ним и матерью. Отец был невысокого роста, худощавого сложения, а если еще успевал к этому моменту нализаться, то ему нечего было и тягаться со мной.

Не могу передать, какое это противное, поистине тошнотворное чувство: когда сам хочешь врезать родному отцу, отлупить его как следует, пусть даже защищая любимого человека. Чувство это совершенно искажает восприятие мира, и последствия оказываются самыми катастрофическими: полностью извращается естественный порядок вещей. В отличие от большинства моих школьных друзей, мне незнакомо было крепкое отцовское объятие, та радость взаимной близости, которую отец находит в дружеской возне со своим сыном. Мы же соприкасались, разве что когда вместе что-то делали на ферме, — ну, и, конечно, когда я становился между ним и матерью.

Однажды незаметно для него я забрался под брезентовый тент нашего «шевроле-пикап», когда отец поехал в город. Он отправился в свою любимую распивочную, таверну «Даффи». Отец даже не подозревал, какой сюрприз его там ожидал. Я случайно узнал, что в Мичигане существует такой закон, согласно которому жена алкоголика вправе запретить владельцу питейного заведения продавать

спиртное своему мужу. Правда, на закон этот мало кто обращал внимания, но мне до этого не было дела.

Только-только отец обосновался в распивочной, как я выбрался из-под тента, прихватив с собой небольшую дубинку, которую специально приберег для такого случая, и вошел в бар. «Вы не имеете права продавать выпивку моему отцу!» — заорал я на бармена, круша дубинкой все, что под руку попадалось. Зеркало, бутылки и стаканы — все вдребезги. Я даже разбил окно. Настоящая потасовка в баре, с той только разницей, что, кроме меня, остальные вели себя тихо. Мое буйство, правда, тоже продолжалось недолго — мужики, сидевшие в баре, тут же подскочили ко мне, кто-то обхватил меня сзади руками, вырвал палку из рук. Отец все это время даже не шелохнулся в своем углу, даже не поднял на меня глаз. Отругав его на чем свет стоит, перед его же дружками, я поплелся домой.

Когда мама узнала о случившемся, она основательно отчитала меня и, как водится, послала за ивовым прутом. Она не снизила даже до того, что я-то пытался ее защитить! «Не бывать такому, чтобы мой сын творил беззаконие», — только и сказала она.

— Но ведь это же они нарушают закон, продавая отцу спиртное! — не унимался я.

— Дурное плюс дурное не станет хорошим, Джош, — ответила она, давая понять, что разговор окончен.

Но я все равно остался при своем мнении.

Этой ночью я никак не мог уснуть и, ворочаясь с боку на бок в постели, мысленно возвращался к тому, что произошло у «Даффи». Да, за каких-то пару секунд я устроил в баре настоящий погром, но моему отцу — единственному, кому все это предназначалось, — все было как с гуся вода.

По правде говоря, и я сам был далеко не паинькой. Мне почти исполнилось одиннадцать, когда я решил, что самое время научиться водить автомобиль. Нечего было и ждать, что кто-то пойдет мне навстречу и станет тратить время на мое обучение, поэтому

я решил привести в действие свой собственный план. Насмотревшись, как отец водит пикап, я нисколько не сомневался, что успел вникнуть в основы вождения. В один прекрасный день, когда отец отлучился в город, я решил, что настало самое время устроить старенькому «Шеви» тест-драйв. Моим напарником стала наша колли Пипси, которая устроилась по соседству со мной на переднем сиденье.

Поначалу все шло более-менее гладко. Да, первые пятнадцать минут коробка передач скрежетала, как сто чертей, но понемногу я научился плавно переключать рычаг. А скоро я уже выписывал круги на лужайке между коровником и проселочной дорогой, притом довольно ловко.

И тут, откуда ни возьмись, из-под самого колеса выскочил кролик. А Пипси словно этого и ждала — она тут же заметалась у меня перед глазами, будто думала выскочить через лобовое стекло и броситься в погоню за кроликом.

Она лаяла и прыгала у меня на коленях, а я тем временем не мог разобрать, куда еду. Съехав с лужайки, я задел крылом большую ель — это чуть замедлило движение, но недостаточно. Пробороздив кустарник, я врезался в угловой столб, на котором держались ворота, выходявшие на пастбище сразу же за нашим коровником. Кролика к тому моменту, понятно, и след простыл.

Выбравшись из машины, я стал осматривать повреждения: радиаторная решетка частично оторвана, в капоте пробоина, крыло словно пожевано, разбита фара, и вдобавок ко всему длинная глубокая борозда шла вдоль кузова, где я прочесал его о ствол сосны. Я глянул на Пипси, а она, виновато глядя на меня снизу вверх, только заскулила в ответ. *«Да ты-то тут ни при чем»*, — вздохнул я и стал думать, как же быть дальше.

Подойдя к столбу, который валялся на земле, я попробовал снова воткнуть его — но, как ни старался поставить его ровно, столб все равно кренился на одну сторону, словно надломленная мачта корабля. Почесав голову, я задумался, что же теперь делать. *Попробую-ка*

я сам починить грузовик. Какое-то время я пинал и вдавливал погнутый и покореженный металл, скорее для очистки совести, чем с надеждой получить от этого какую-то пользу, затем отогнал потрепанную машину назад в коровник. Поставил ее под навесом, сам вернулся в дом и поскорей шмыгнул под одеяло. Было три часа дня.

Спустя пару часов послышались отцовские шаги на крыльце, затем со скрипом открылась входная дверь-ширма. Было слышно, как он направляется к моей комнате, явно выпивший, судя по тому, как он то и дело натыкался то на одну, то на другую стену. «Ну, держись, — подумал я. — Сейчас начнется».

— Джош, — закричал он. — Ты где?

Я еще сильнее зарылся в кровать и закрыл глаза. Дверь в мою комнату распахнулась, и даже с одеялом, натянутым на голову, я ощущал, как отец свесился в комнату, держась за дверной проем.

— Джош! — снова позвал он, уже совсем не так громко. Не дожидаясь моего ответа (тем более, что я и не думал ему отвечать), он продолжил: — А телятам кто корм задаст, я тебя спрашиваю?

Я открыл глаза.

— А ну вставай, хватил вылеживаться! — сказал он. — Работа не станет ждать.

Не веря своим ушам, я осторожно выглянул из-под одеяла. Меня удивило даже не то, что он вычислил, где я прячусь, а то, что про пикап не было сказано ни слова. Он что, еще ничего не видел? Отбросив одеяло, я со всех ног помчался в коровник кормить телят.

Спустя некоторое время, я услышал, как из-под навеса раздался лязг металла, затем послышался недовольный голос матери. Стараясь оставаться незамеченным, я осторожно просунул сквозь разбитое окно сарая и стал смотреть, что там происходит. Отец, держа в руках деревянный молоток, растерянно смотрел на разбитый передок машины, пока мать бушевала над ним, не сдерживая эмоций:

— Все мозги пропил! Видишь, чем кончается твоя пьянка? — распекала она его. — Все вдребезги! Да что ж ты теперь молотком

машешь? Все равно сам ничего не сделаешь. Иди, договаривайся в автомастерской, чтоб там починили!

Отец опустил молоток. На его лице было написано искреннее недоумение:

— Хоть убей, не помню... вроде и не наезжал ни на что, — сказал он, и его губы затряслись.

— Не помнит он! Такой пьяный был, что и не помнишь?

— Да похоже на то...

Я же тихонько принялся за работу в коровнике и никому о случившемся не обмолвился и словом.

***

Поймите меня правильно — так или иначе, но я все равно оставался неумолимым врагом отцовского пьянства. Мало того что спиртное превращало его в ничтожество, оно вносило раздор и разруху в наш дом.

Как мог, я старался унижить отца. По утрам, когда мы занимались хозяйством, я не спускал с него глаз. Бывало, если он старался потихоньку скрыться, я тайком следовал за ним, потому что знал — он идет приложиться к одной из бутылочек вина, которые были припрятаны у него по всей усадьбе. Отец распихивал их по всей ферме, порой в самых неожиданных местах. Он уже знал — я разобью их, если найду. Но я не всегда их разбивал. Порой я молчал в них, если они были полупусты, просто ради удовольствия наблюдать, как он прикладывается к ним, спьяну даже не понимая, что пьет.

Если же он напивался, а в этот момент ждали гостей, тогда я отгонял отцовский пикап за дальнюю стену коровника и оставлял машину там, чтобы она не попала на глаза, если кому-то захочется пройтись по усадьбе. Затем находил отца, затапливал его в овин и крепко привязывал к деревянной свае: одной веревкой за руки, а второй — за шею и ноги.

— Джош, — хрипел он, пытаюсь протестовать, — я же твой отец...

— Да какой ты отец! — огрызнулся я в ответ. И оставлял его там стоять до ночи.

Позже, когда гости появлялись на пороге, мама обычно звала меня, чтоб встретить их у двери и проводить в дом. И если кому-то случалось поинтересоваться, где же отец, я отвечал с невинным видом: «Отлучился на минутку», или же: «Ему понадобилось срочно в город по делам». Дальнейших расспросов, как правило, не следовало. Во всем городе не было другого такого забулдыги, как мой отец, и все это знали. Наверное, каждый думал: не буди лихо, пока оно тихо — раз его нет, оно и к лучшему.

После того как уходил последний из гостей, а отец так и стоял себе в коровнике, я падал на кровать и лежал так часами не смыкая глаз, все думая: не пробраться ли тихонько в коровник, да затянуть потуже веревку на его шее... Проще говоря, помочь ему покинуть этот бранный мир. Останавливал меня разве что страх перед полицией: а что если они сложат одно с другим и заберут меня за убийство?

Полиция уже дважды наведывалась к нам в дом: первый раз, когда я чуть не утопил отца в чане для стирки, после того как он избил мать до полусмерти. Во второй раз я захихнул его голову в унитаз (предварительно сделав свое дело) и продолжал смывать воду, держа его голову под водой. Ни о каких угрызениях совести и речи не было: ненависть моя к отцу становилась сильнее с каждым днем. Порой, правда, просто хотелось махнуть на все рукой, потому что, как я ни вмешивался в их перебранки в матью, как ни старался прекратить постоянные побои, он продолжал свое. А если к тому же и мать начинала костерить его, когда он был пьян, тогда отец неизменно бросался на нее с кулаками.

Единственным моим утешением была Долли, наша лошадка. Каждое утро, поглаживая ее гриву, прислоняясь головой к ее теплой шее, я чувствовал, как мне становится лучше. Можно сказать, я устраивал себе, и сам не зная того, сеанс психотерапии с домашними животными. Мне нравилось проводить с ней время, кормить ее

овсом и сеном, беседовать с ней о всякой всячине. Она, как всегда, тихо и терпеливо выслушивала все мои истории.

Тем утром я тоже был с ней, заканчивая свою работу, когда услышал, что коровы вдруг замычали громче обычного, и послышалась брань моего отца.

— Схожу, гляну, в чем дело, — сказал я Долли. — Видно, он пытается подсоединить молочный шланг к насосу, но никак не может попасть. Может такое быть, как ты думаешь?

Долли ответила мне взглядом своих теплых карих глаз и тихо заржала. Я протянул ей кусочек сахара, который стянул сегодня утром из-под носа у мамы. «Хорошо еще, что он хоть тебя не надудмал подоить, Долли», — невесело усмехнулся я.

И тут я услышал еще один голос, от которого у меня мурашки побежали по спине, — мамин голос. Она закричала так, что, казалось, от этого крика могли разорваться легкие. На какой-то миг даже коровы замолчали, когда она завопила что было мочи: «Да ты ж задушишь этих клятых коров, если они и дальше будут у тебя вот так висеть на доильных машинах!» Коровы снова начали мычать, и почти сразу же я услышал долгий, пронзительный вопль.

Со всех ног я бросился в коровник. Мамины крики теперь стали громче, и до меня донеслись также хрип и ругань отца. Внутри коровника я увидел знакомую до тошноты сцену: отец снова избивал мать. В этот раз он бил ее негнувшимся резиновым шлангом, методично нанося удар за ударом. Прежде чем я оказался рядом с ними, он сбил ее с ног, она повалилась коровам под ноги и стала беспомощно кататься в навозе.

В следующее мгновение я бросился на него, одновременно пиная, кусаясь, молотя кулаками и проклиная его на чем свет стоит. Отец качнулся вперед, потряхнув головой, словно силясь прийти в себя. На какое-то мгновение его глаза встретились с моими. Тут он выругался, швырнул на землю шланг и, покачиваясь, вышел из коровника.

Сам не знаю почему, но в такие моменты он никогда не отвечал мне ударом на удар. Я ведь был еще мал, и ему ничего не стоило,

уже протрезвев, спустить с меня семь шкур. Впрочем, мне тогда было не до таких мыслей. Я пошел за ним следом, крича ему в спину ругательства:

— Я убью тебя однажды! Слышишь меня? Прибью насмерть, так и знай! — Я швырнул в него молоток, но не попал. — Прикончу, когда будешь спать! Загону нож тебе в сердце, и еще проверну пару раз, для верности! — Отец так и ушел, не оглянувшись на меня.

Тут я услышал, как мать зовет на помощь. Она не могла встать на ноги, но и у меня тоже не получилось поднять ее. Она была слишком тяжелой для меня. Я опустился рядом на колени, скорей размазывая, чем вытирая кровь и коровий навоз с ее лица, и заревел с ней в один голос.

— Он не нарочно, пойми! — Ее глаза умоляюще смотрели на меня. *«Почему она всегда старается убедить меня в этом?»* — поражался я в такие минуты.

— Он не нарочно, — повторила она, глотая слезы. Но я-то знал, что он делал именно то, что хотел. И мне хотелось поступить с ним так же. Как я ненавидел его! Я так сильно желал его смерти, что чувствовал это даже своим нутром. Мне хотелось сделать ему то же, что он сделал ей. Чтобы ему было так же больно, как другим из-за него. Будь моя воля — даже вдвое, втрое больней.

Голос матери прервал мои мысли:

— Пойди позови Уэйна. — сказала она взволнованным тоном. — Сходи за Уэйном, пусть он придет.

«Да, — подумал я. — Позвать Уэйна. Мне нужно пойти и позвать его». Чувствуя, как внутри меня все занемело, я поднялся и побежал к дому.

Оглавление

От автора	7
Глава 1. Все прекрасно на земле	9
Глава 2. В начале	12
Глава 3. Уэйн	29
Глава 4. Предательство Меньшого	37
Глава 5. Школа	46
Глава 6. Военно-воздушные силы	53
Глава 7. Новые горизонты	67
Глава 8. Великобритания	87
Глава 9. Путешествие продолжается	112
Глава 10. Все сначала	125
Глава 11. Уитон и далее	139
Глава 12. Возвращение домой	143
Глава 13. Лето 1961 года	158
Глава 14. Выпускной курс	180
Глава 15. Помолвка и окончание учебы	188
Глава 16. Последнее лето	195
Глава 17. На Запад	204
Глава 18. Призыв	214
Глава 19. Океанская синева	219
Эпилог	227
Примечания	230